

УДК 81'276.1:811.161.1'27

**ФУНКЦИИ ЖАРГОНА НАРКОМАНОВ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА
ИХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ (на материале социолингвистических опросов и словарей жаргона)**

Т. В. Артемова, П. А. Катышев, С. В. Оленев, Ю. С. Паули, С. К. Соколова

**FUNCTIONS OF DRUG ADDICTS' JARGON AND WORD-BUILDING MEANS
OF THEIR IMPLEMENTATION (a case study of sociolinguistic questionnaires and jargon dictionaries)**

T. V. Artemova, P. A. Katyshev, S. V. Olenev, Yu. S. Pauli, S. K. Sokolova

Исследование выполнено в рамках гранта РГНФ по проекту № 14-14-42005 «Региональные аспекты русской дериватологии» (Артемова Т. В., Катышев П. А., Оленев С. В., Соколова С. К.) по конкурсу «Российское могущество прирастает будет Сибирью и Ледовитым океаном – 2014» (Кемеровская область).

В статье раскрывается роль словообразования в выполнении функций жаргона наркоманов: номинативной, утилитарной, мировоззренческой, псевдоэстетической, игровой, агитационной, символической, опознавательной, конспиративной. На материале лексики, собранной в ходе региональных социолингвистических исследований, а также при анализе словарей жаргона наркоманов, исследуются словообразовательные средства выполнения названных функций; обсуждается вопрос о естественных причинах «конспиративности» жаргона наркоманов; делается вывод о том, что жаргон наркоманов не является примитивной подсистемой языка, а его негативная оценка со стороны учёных зачастую обусловлена отрицательным отношением к феномену наркотической зависимости.

The article reveals the role of word-building in the performance of such drug addicts' jargon functions as nominative, utilitarian, worldview, pseudo-aesthetic, playing, agitational, symbolic, identificatory, and conspiratorial. Based on the material of vocabulary gathered during the regional sociolinguistic studies, as well as in the analysis of dictionaries of drug addicts' jargon, the word-building means of implementing the named functions are studied; the issue of natural causes of drug addicts' jargon "conspiracy" is discussed. It is concluded that drug addicts' jargon is not a primitive subsystem of their language, and its negative assessment by scientists is often caused by the negative attitude to the phenomenon of drug addiction.

Ключевые слова: жаргон наркоманов, сленг, словообразование, функции жаргонов, субстандарт, социолингвистика.

Keywords: jargon of drug addicts, slang, word building, jargons functions, substandard, sociolinguistics.

Научное изучение социально-коммуникативной системы современного крупного города требует разно-стороннего рассмотрения всех используемых городским населением и взаимодействующих между собой социолектов, а также их социального субстрата, т. е. многообразных социо-коммуникативных сообществ. По замечанию Б. А. Ларина, язык зачастую выступает «фактором социальной дифференциации не в меньшей мере, чем социальной интеграции. Мы сильнее даже ощущаем его организационную роль – поскольку он бывает средством обособления общественных групп» [13, с. 191].

Развитие русистики свидетельствует о преимущественном интересе ученых к таким городским подсистемам национального языка, как разговорная речь, просторечие, общий жаргон (сленг), молодежный жаргон, для которых, вероятнее всего, интегративная функция (объединение крупных открытых коммуникативных сообществ) важнее дифференцирующей (изоляция отдельного коммуникативного сообщества). Л. П. Крысин указывает, что «до сравнительно недавних пор в отечественной русистике считалось, что коммуникативная роль социальных жаргонов и арго невелика» [11, с. 25]. Этим, равно как и существовавшим ранее негласным запретом на изучение «языковых коррелятов» негативных социальных явлений, объясняется всё ещё недостаточная изученность многих разновидностей социальных жаргонов (жаргоны наркоманов, гомосексуалистов, проституток, представителей молодежных субкультур и т. д.). Поэтому «задача ру-

систики заключается, в частности, в том, чтобы изучить многообразие современных социальных жаргонов и их связи с порождающей эти жаргоны человеческой средой» [11, с. 26]. Её решение требует прикладных исследований, помогающих через анализ «языка», используемого той или иной замкнутой социальной группой, понять специфику сознания ее членов, их ценностей, мотивов и потребностей.

В данной статье речь пойдет о жаргоне наркоманов, собиранием и изучением которого в основном занимаются криминалисты, наркологи и психологи (С. В. Березин, А. Г. Данилин, К. С. Лисецкий, А. Г. Ломтев, Л. Д. Мирошниченко, Е. А. Назаров и др.; за рубежом наблюдается аналогичная тенденция; см., например: [25; 27]). При этом, как отмечает В. Е. Пелипас, «в литературе почти нет примеров лингвистического и, в частности, фонетического анализа сленга наркоманов» [18, с. 75]. По-видимому, можно согласиться с тем, что данное обстоятельство объясняется «социальной отдаленностью потенциальных респондентов от языковедов» [2]. И хотя за последнее десятилетие появились даже диссертационные лингвистические исследования жаргона наркоманов [12; 15], о его активном изучении пока говорить не приходится: есть лишь несколько научных статей, в которых он выступает в качестве относительно самостоятельного лингвистического объекта исследования [5; 8; 9; 19; 21; 22; 24; 26].

О недостаточном изучении жаргона наркоманов лингвистами свидетельствует и то, что степень его

распространенности и употребительности по-разному оценивается лингвистами и специалистами, которые непосредственно взаимодействуют с наркозависимыми. О. П. Ермакова пишет об «определенной кастовости» жаргона наркоманов, о том, что он «ограничен узким кругом носителей, и лишь отдельные слова выходят за пределы этой сферы» [6: X], тогда как Л. Д. Мирошниченко характеризует его как «широко используемый язык» и «довольно значительную часть культуры России» [16, с. 3], что обусловлено постоянным увеличением числа наркозависимых (в России их более трёх миллионов человек). Экспансия жаргона наркоманов проявляется в его внедрении в повседневную речь ненаркотизованной молодежи, что подтверждается результатами социо-психолингвистического исследования, проведенного нами в г. Кемерово (подробнее см. [17]), а также данными сопоставительного словаря [16]. Закономерно, что А. С. Меркулова определяет жаргон наркозависимых в качестве «полуконкретной лексико-фразеологической подсистемы, применяемой той или иной социальной группой с целью обособления от остальной части языкового сообщества» [15, с. 11].

Итак, цель настоящей работы состоит в развитии социолингвистических аспектов исследования жаргона наркоманов, а именно, в осмыслении вклада словообразовательных единиц и механизмов в выполнение его основных функций. При этом материалом для анализа является не только уже зафиксированная в словарях лексика, но и слова, полученные в ходе анонимного социолингвистического опроса наркозависимых г. Кемерово.

Обращение к особенностям словообразования жаргона наркоманов обусловлено тем, что, в той или иной степени, именно благодаря словообразовательным средствам реализуются функции жаргона наркоманов: (1) номинативная, (2) утилитарная (функция экономии речевых средств), (3) мировоззренческая, (4) псевдоэстетическая (защитно-компенсаторная), (5) игровая, (6) агитационная, (7) символическая, (8) опознавательная (стратифицирующая), (9) конспиративная [2; 15; 18; 23].

(1) О преобладании *номинативной* функции над остальными имеет смысл говорить в том случае, если жаргонное слово создается для наименования реалии, действия и т. д., а также их разновидностей, не имеющих однословного названия в литературном языке или в профессиональной лексической системе медиков и криминалистов; ср.: *чек* 'доза наркотика (обычно героина) в пакетике, приготовленная для продажи', *взрывать* 'зажигать сигарету с наркотиком', *поискуха* 'навязчивое состояние поиска якобы спрятанных наркотиков, появляющееся при наступлении наркотического голодания', *свиньяк*, *свин* 'состояние сильного голода после употребления наркотика', *волокушка* 'состояние наркотического опьянения во второй, наиболее продолжительной фазе с переживанием легкости, отрешенности', *побочка* 'нежелательный побочный эффект от употребления наркотика', *сексовуха* 'кустарно изготовленный первитин, обладающий свойствами афродизиака' и др. (здесь и далее приводятся примеры из [16], а также слова, собранные в процессе собственных исследований). «Ценность» того или иного жаргонного слова редко заключается в удовлетворении лишь но-

минативных потребностей, поэтому создание большинства слов связано с реализацией ряда функций.

(2) *Утилитарная* функция реализуется словами, образованными с помощью разного рода усечений, сокращений и стяжений; ср.: *дичка* 'дикорастущая конопля', *барби* 'барбитураты', *фен* 'фенамин', *цикл* 'циклодол', *химка* 'наркотик, изготовленный из растительной конопли с использованием химических растворителей', *нарк* 'наркоман' и др.

(3 – 6) *Мировоззренческая*, *псевдоэстетическая*, *игровая* и *агитационная* функции жаргона наркоманов теснейшим образом взаимосвязаны. Основные ценности наркоманического мировоззрения – само наркотическое вещество и состояния, достигаемые с его помощью [20, с. 47], при этом использование жаргона «оформляет в речевую форму новую систему смыслов, порожденную новым ценностно-смысловым образованием – стремлением к состоянию наркотического опьянения» [20, с. 59]. Вербализация такой социально неодобряемой ценностной установки связана с эстетизацией, окружением особым таинственным ореолом всего, что связано с наркотиками. О *псевдоэстетизации* речь идет потому, что употребление большинства наркотических веществ разрушает здоровье человека и может привести к мучительной преждевременной смерти, что нормальным человеком не может быть отнесено к потенциальным объектам эстетизации, романтизации. Предпосылкой эстетизации образа жизни наркомана является разрушение представления об опасности наркомании, что достигается превращением употребления наркотиков в беззаботную игру. Ср.: *экскурсия* 'поиски наркотиков', *булавка*, *пчёлка* 'игла для инъекций', *чпокнуться*, *втрескаться* 'сделать инъекцию', *забалдеть* 'начать испытывать наркотическое опьянение', *цветомузыка* 'состояние наркотической эйфории' и т. д. В результате, слова, участвующие в эстетизации наркоманского образа жизни и затрудняющие его адекватное восприятие, выполняют и агитационную функцию, т. к. служат своего рода приманкой для потенциальных новичков.

Как правило, перечисленные функции, формирующие наркоманское сознание и мировоззрение, выполняются словами, несущими положительную эмоционально-экспрессивную окраску. Прежде всего, это достигается использованием уменьшительно-ласкательных суффиксов при образовании жаргонных слов. Ср., например, некоторые «ласковые» названия наркотиков: *мультишка* 'героин', *беляшка* 'кокаин', *черняшка*, *черныш* 'опий-сырец', *кислушка* 'ЛСД', *травка* 'наркотик из конопли', *морфуша* 'морфий', *релашка* 'реланиум или реладорм', *лошадка* 'метадон'. Кроме того, для многих единиц жаргона, образованных с помощью семантической деривации, производящими являются слова литературного языка, содержащие в своем лексическом значении элемент положительной оценки и ассоциирующиеся с романтикой приключений или, напротив, связанные с повседневной, а значит, неопасной жизнедеятельностью. Ср.: *юбиляр* 'человек, впервые попробовавший наркотики', *омолодиться* 'снизить толерантность к наркотику, намеренно перенести для этого абстиненцию', *малинка* 'смесь наркотиков', *бухта*, *вилла* 'притон наркоманов', *витамин* 'амфетамин', *компот* 'отвар из маковых головок с сахаром', *фестиваль* 'вечеринка с наркотиками', *рафи-*

над, рай ‘кокаин’, *учитель* ‘опытный наркоман, обучающий начинающих приготовлению и приему наркотиков’, *марафон* ‘длительное непрерывное употребление наркотиков’, *пират* ‘торговец наркотиками’ и т. д.

(7) *Символическая* функция многих элементов жаргона наркоманов проявляется в том, что они способны выступать словесной заменой, «символом получаемой эйфории, вербальным знаком, включенным в комплексное личностное (психофизиологическое) переживание состояния одурманивания» [23, с. 73]. Вследствие этого, употребление жаргонных слов может обострять влечение к психоактивным веществам и служить своеобразным условно-рефлекторным «пусковым механизмом», инициирующим цепь действий, связанных с приемом наркотика. Прежде всего, такой функцией обладают слова, описывающие приятные ощущения при приеме наркотиков и наделенные в пределах жаргона положительной эмоционально-экспрессивной окраской. Выделить здесь следует бесприставочные (*балдеть, кайфовать, плыть, лететь, переться, тащиться, тасковать, торчать, хумарить* т. д. ‘испытывать состояние наркотической эйфории’) и приставочные (*притереться, протащиться, проторчаться, удалбаться, улететь, оторваться, разломиться* и т. д. ‘достичь состояния эйфории’) глаголы, а также многочисленные существительные: непроизводные и производные, образованные при помощи суффиксации, в том числе и нулевой (*приход, разлом* ‘начало наркотической эйфории’, *волок, волокуха, волокуша, тяга* ‘вторая, длительная стадия наркотической эйфории’, *балдёж, бодряк, волна, пруха, распорка, таска, угар, улет, умати* т. д. ‘состояние наркотической эйфории вообще’).

(8) *Опознавательная* (стратифицирующая) функция жаргона наркоманов проявляется в том, что его элементы способны служить индикатором вовлеченности использующих их людей в коммуникативное общество, связанное с незаконным оборотом и употреблением психоактивных веществ. Иногда эту функцию, в немного более узком смысле, связанном с ограничением общения пределами группы, также называют «символьной» [3, с. 252]. Об особой роли словообразовательных средств в данном случае имеет смысл говорить применительно к словам, имеющим формально подобные эквиваленты в литературном языке, но отличающимся от них морфемным составом; ср.: *абстиненция* – *абстыга, абстык; ампула* – *ампуляк; вена* – *веняк, венярка; игла* – *игляк, морфий* – *морфуша; наркоман* – *нарк, нарик, наркоша, наркот; опий* – *опиуха* и др. Опознавательную функцию могут выполнять и семантические дериваты, используемые в нетипичных для литературного языка сочетаниях; ср. возможные выражения **купить децил пыли* (т. е. небольшое количество наркотика в виде порошка), **насобирать денег на два чека* (т. е. на две дозы наркотика, чаще героина, упакованные в бумажный пакетик).

(9) Выполнение жаргоном наркоманов *конспиративной* функции обусловлено тем, что, в силу незаконности оборота большинства наркотических веществ (в отличие, например, от алкоголя и табака), «наркоман принуждается обстоятельствами нарушать закон и входить в какую-то секту, хотя предпочел бы получать удовольствие от наркотиков в нормальной человеческой среде, не нарушая законов» [16, с. 7]. Поэтому сообщество наркоманов стремится вести по возможно-

сти замкнутую жизнь, тесно связанную основными ситуациями жизни наркомана: поиск, приобретение, приготовление, употребление наркотиков и переживание эйфории. В результате постепенно вырабатывается особая лексика, отражающая эти нуждающиеся в сокрытии ситуации и потому непонятная обычным носителям языка, что и делает элементы жаргона наркоманов средством конспирации.

В связи с тем, что жаргон наркоманов, как и уголовный жаргон, выполняет конспиративную функцию, некоторые исследователи считают его «ведущим отличительным признаком» [12, с. 10]. При этом В. Е. Пелипас оценивает жаргон (в терминологии ученого, сленг) наркоманов как примитивную и грубую разновидность шифрованного языка, «не требующую особого образования, тонкости владения языком, вкуса и других признаков интеллектуальности» [18, с. 75], и наиболее близкую к уголовному аргю. Примитивность наркоманского и уголовного «языков», с точки зрения автора, проявляется в следующем: «В обоих случаях формообразование новояза идет с помощью словотворчества – довольно прямолинейного, спонтанного, бессистемного (внесистемного) и неэкономного, о чем свидетельствуют многочисленные синонимы. При этом игнорируются более тонкие способы шифровки, – например, вербигерация, специальные синтаксические и грамматические искажения, языковые вставки, подмены и т. д.» [18, с. 75]. На наш взгляд, ученый требует от жаргона наркоманов того, на что он, подобно уголовному аргю, не нацелен, в отличие от так называемых тарабарских языков. М. А. Грачёв в связи с этим указывает, что если в тарабарских языках «лексемы создаются механически, волевым усилием, то арготизмы нарождаются стихийно. Арготическое словопроизводство не используется в качестве средства изменения общепринятых лексем для конспиративных целей, а выполняет другие функции, главными из которых являются: усиление экспрессивности речи, создание новых номинаций, а также – в ряде случаев – стремление к экономии языкового материала» [4, с. 11 – 12]. Заметим, что по происхождению и функциям жаргон наркоманов очень схож с такой подсистемой национального языка, как аргю. Ср.: «Если в профессиональных “языках” и аргю доминирующим социальным признаком является род занятий (во втором случае род занятий с негативной характеристикой со стороны общества), то жаргоны определяются социальным признаком возраста. Первые две разновидности социальных диалектов обусловлены социально-производственным запросом (уже – родом осуждаемых занятий), отвечают на него, и рассматриваются нами как типы речи. Жаргоны цементируются лишь эмоционально-психологическим запросом и являются социально-речевым стилем молодых» [7, с. 13]. В то же время, жаргон наркоманов наделен многими чертами жаргона в собственном смысле слова, т. к. появление многих слов мотивировано именно «эмоционально-психологическим запросом», что вполне закономерно, т. к. большинство носителей жаргона наркоманов – молодые люди. Другими словами, конспиративная функция аргю (и, следовательно, жаргона наркоманов) вторична относительно других его функций и не связана с целенаправленными искусственными видоизменениями внешней формы слов, призванными скрыть содержание речевого сообщения. Поэтому «зашифрованность арготизмов, на

которую указывают исследователи, есть непонятность их происхождения и смысла» [4, с. 16], подобная известному случаю с последовательной трансформацией имени «Александр → Алексаиша → Саиша → Саишюра → Шура» и обусловленная устной формой существования жаргона, предполагающей формальную диффузность слов. По-видимому, следует согласиться с тем, что на современном этапе развития языка и науки о языке тайный, зашифрованный характер аргоса – это «красивая, еще не до конца развезанная легенда» [14, с. 7].

Непонятность, кажущаяся зашифрованностью жаргона наркоманов связана еще с двумя обстоятельствами. Во-первых, многие его элементы служат для наименования реалий, неизвестных обычному носителю языка (аналогично, слово *форсунка* может показаться зашифрованным человеку, не знающему ничего об устройстве двигателей и паровых котлов). Во-вторых, многие слова жаргона представляют собой заимствования из английского, арабского, китайского, таджикского и др. языков. Ср.: *спид* ‘амфетамин’ (от англ. *speed* ‘скорость’); *драгстор* ‘аптека, в которой можно получить одурманивающие препараты’ (от англ. *drugstore* ‘аптека’); *эйч* ‘героин’ (от англ. *H.* ‘первая буква слова heroin’); *пушер* ‘розничный торговец наркотиками’ (от англ. *pusher* ‘букв. толкач’); *кизяк*, *хусус*, *чарс* ‘гашиш’; *кара-хан*, *кашкар*, *хань* ‘опий’ и т. д.

Подводя итоги, хотелось бы подчеркнуть, что негативная оценка жаргона наркоманов и, в частности, действующих в нем механизмов образования новых слов как «довольно прямолинейных, спонтанных, бессистемных (внесистемных) и неэкономных» [18, с. 75] в значительной мере не соответствует действительности и обусловлена общим негативным отношением к наркомании как вредному социальному явлению.

Жаргон наркоманов, как и любая естественная подсистема языка, «живет» по общим законам этого языка и в своем функционировании вполне соответствует общим системным закономерностям, действующим

в языке. Так, наиболее типичные для русского языка способы образования новых слов (аффиксация, сложение, сращение, семантическая деривация и т. д.) используются и в жаргоне наркоманов. Кроме того, в жаргоне наркоманов присутствуют и такие слова, которые свидетельствуют о наличии у его пользователей лингвокреативных способностей.

Одним из проявлений языковой игры в жаргоне наркоманов является довольно частотное действие механизма так называемой вторичной номинации (подробнее о нем см. в [10]), предполагающего сознательное игровое трансформирование внешнего облика слова для создания «особой фамильярности как по отношению к предмету речи, так и к собеседнику» [10, с. 256]. Ср., например, наименования наркотиков: *Гашик* ‘гашиш’, *Герасим* ‘героин’, *Дима* ‘димедрол’, *Катя* ‘кодеин’, *Люся* ‘ЛСД’, *Марфа* ‘морфий’, *Марья Ивановна* ‘марихуана’, *пендель* ‘пентальгин’, *салют* ‘солуган’, *Федя* ‘эфедрин’, *Феня* ‘фенамин’.

Другое направление языковой игры – пародирование медицинской терминологии, обычно проявляющееся в создании слов с использованием особых формантов, участвующих в образовании терминов различных областей медицины; ср.: *дурмашина* ‘шприц’, *стрёмопатия* ‘состояние неосознанного страха, связанное с наступлением наркотического голодания’, *дурцефал* ‘наркоман, употребляющий опий’, *торчикоз* ‘прием наркотиков’. Многие слова жаргона наркоманов представляют собой образные, метафоричные в своей основе наименования. Ср.: *метро* ‘подмышечная вена’, *инжектор* ‘шприц’, *кролик* ‘наркоман, используемый другими наркоманами для испытания действия самодельных наркотиков’.

Очевидно, что во всех описанных выше явлениях, характеризующих функционирование жаргона наркоманов, словообразование играет значительную – если не ключевую – роль.

Литература

1. Бабина А. К. Жаргон наркоманов и молодежный язык (словарь). URL: <http://annababina.narod.ru/slovarik1.html> (дата обращения: 15.12.2012).
2. Бабина А. К. Трансформация лексики наркоманов в молодежной культуре. URL: <http://annababina.narod.ru/transform1.html> (дата обращения: 15.12.2012).
3. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика: учебник для вузов. М.: РГГУ, 2001. 315 с.
4. Грачёв М. А. Происхождение и функционирование русского аргоса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. СПб., 1995. 35 с.
5. Елистратов А. А. Лексико-семантические параллели между жаргоном спортсменов и жаргоном наркоманов // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2010. № 9. С. 27 – 46.
6. Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. // Источники пополнения и тематические группы жаргона. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона: Ок. 450 слов. М.: Азбуковник, 1999. С. IX – XVII.
7. Ерофеева Т. И. Социолект: стратификационное исследование: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. СПб., 1995. 32 с.
8. Кобзева И. В. Жаргон как проявление субкультуры потребителей наркотических средств // Юрислингвистика. 2007. № 8. С. 194 – 203.
9. Ковалев Ю. В. Краткий словарь жаргонной лексики украинского языка (на укр. языке) / авт. сост. Л. Ставицкая. – Киев: Критика, 2003 // Вестник Российского университета дружбы народов. (Серия: Лингвистика). 2005. № 7. С. 205 – 207.
10. Кронгауз М. А. Вторичная номинация и языковая игра // Актуальные проблемы современного словообразования: мат. Междунар. науч. конф. Кемерово: ИНТ, 2009.
11. Крысин Л. П. Введение. Активные процессы в русском языке конца XX – начала XXI века // Современный русский язык: активные процессы на рубеже XX – XXI веков. М.: Языки славянских культур, 2008.

12. Ланцова Л. К. Экстра- и интралингвистические факторы формирования жаргона наркоманов в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Саратов, 2006. 22 с.
13. Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. М.: Просвещение, 1977. 224 с.
14. Липатов А. Т. Сленг и его место на речевом лимбе русского социолекта // Социальные варианты языка: мат-лы Междунар. науч. конф. (25 – 26 апреля 2002 г.). Н. Новгород: Нижегородский гос. лингвистич. ун-т им. Н. А. Добролюбова, 2002.
15. Меркулова А. С. Наркозависимый как тип языковой личности: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Тамбов, 2006. 22 с.
16. Мирошниченко Л. Д. Жаргон наркоманов. Словарь. Русско-английский, англо-русский, двуязычный. М.: Анахарсис, 2002. 160 с.
17. Оленев С. В. Жаргон наркоманов как элемент языка современного города // Речевая коммуникация в современной России: материалы I Междунар. науч. конф. (Омск, 27 – 29 апреля 2009 г.). Омск: Изд-во ОмГУ, 2009. С. 211 – 218.
18. Пелипас В. Е. О сленге наркоманов // Вопросы наркологии. 1999. № 2.
19. Распопова Т. А. Методика проведения судебных лингвистических экспертиз по делам о незаконном обороте наркотических и психотропных веществ // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований. Брянск, 2010. № 1. С. 111 – 122.
20. Самыкина Н. Ю., Серебрякова М. Е. Динамика ценностно-смысловой сферы личности в процессе наркотизации. Самара: Универсгрупп, 2007. 48 с.
21. Халиуллова Н. Ф. О словаре русской лексики и фразеологии языка наркоманов // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск, 2009. № 24. С. 546 – 550.
22. Халиуллова Н. Ф. Тропеизированные лексемы жаргона наркоманов в русском и английском языках // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2010. № 337. С. 30 – 31.
23. Шайдукова Л. К., Цетлин М. Г., Мельчихин С. И. Социально-психологическое и клиническое значение сленга русскоязычных больных алкоголизмом и наркоманиями // Вопросы наркологии. 1999. № 2.
24. Щенникова Е. В. Специализированная лексика языка наркоманов // Вестник Московского университета. (Серия 9: Филология). 2012. № 3. С. 128 – 132.
25. Cromwell Paul F. Slang usage in the addict subculture // Crime & Delinquency. Sage Publications. 1970. Vol. 16. № 1. P. 75 – 78.
26. Lillo A. The rhyming slang of the junkie // English Today. Cambridge University Press. 2001. Vol. 17. № 2. P. 39 – 45.
27. Maarefvand M., Ghiasvand H. R., Ekhtiari H. Drug Craving Terminology among Opiate Dependents; A Mixed Method Study // Iranian Journal of Psychiatry. 2013. Vol. 8. № 2. P. 97 – 103.

Информация об авторах:

Артемова Татьяна Викторовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры стилистики и риторики КемГУ, artemova-tv@mail.ru.

Tatyana V. Artemova – Candidate of Philology, Senior Lecturer at the Department of Stylistics and Rhetoric, Kemerovo State University.

Катышев Павел Алексеевич – доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики и риторики КемГУ, katpa@rambler.ru.

Pavel A. Katsyhev – Doctor of Philology, Professor at the Department of Stylistics and Rhetoric, Kemerovo State University

Оленев Станислав Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики КемГУ, stanislav.olenev@gmail.com.

Stanislav V. Olenev – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Stylistics and Rhetoric, Kemerovo State University.

Паули Юлия Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики КемГУ, pauliyulia@rambler.ru.

Yulia S. Pauli – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Stylistics and Rhetoric, Kemerovo State University.

Соколова Светлана Константиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики КемГУ, sokolova.82@list.ru.

Svetlana K. Sokolova – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Stylistics and Rhetoric Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 28 июля 2014 г.